

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LVII

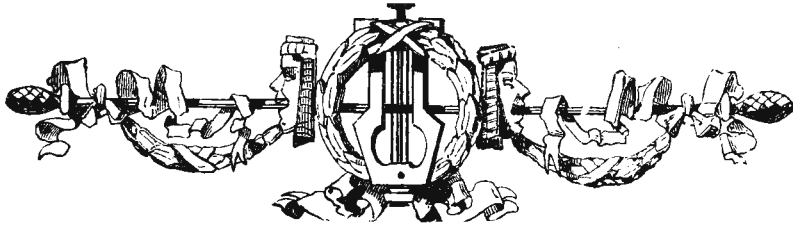
1894

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1894

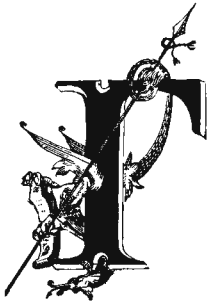

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

XXVI.

Мои бенефисы.—«Разбойники».—«Коварство и любовь».—Участвіе въ «Разбойникахъ» Самойлова и Шумскаго.—Гастроли въ «Разбойникахъ» Дарскаго.—Его эффектъ «вѣшанья».—Спасеніе его изъ петли.—Дружба съ Н. И. Куликовымъ.—«Русскіе романы въ лицахъ».—Анекдотъ.—Трагедія «Неронъ».—Знакомство съ авторомъ.—Его довольство.—Его условія.—Раскаяніе автора.—Мой визитъ къ нему.—Веселая пѣсня съ похороннымъ мотивомъ.—Участвіе въ «Неронѣ» Самойлова.—Его роль.—Острота Каратыгина.—Комедія «Странное стеченіе обстоятельствъ».—Экспромтъ Каратыгина.—Крупное недоразумѣніе по поводу ничтожнаго случая.—«Гамлетъ».—По какому случаю я поставилъ его.—Нападки журналистовъ.—Ихъ выходки.—Мнимый анекдотъ про Самойлова и меня.—Представленіе «Гамлета».—«Ревизоръ».—Различныя его списки.—Постановка «Ревизора» П. И. Зубровымъ.—Мое возобновленіе комедіи Гоголя въ достоудолжномъ видѣ.—Возвращеніе къ невѣрному экземпляру.

ГОВОРИЯ о постановкѣ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго» въ мой бенефисъ, будетъ кстати припомнить и нѣсколько другихъ моихъ бенефисовъ, тоже не менѣе интересныхъ со стороны ихъ закулисныхъ мелочей.

Избалованный первыми бенефисами съ пьесами Чаева «Дмитрій Самозванецъ» и графа Толстого «Смерть Іоанна Грознаго», я во все время своей службы заботился о томъ, чтобы интересно составить программу своихъ театральныхъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 650.

именинъ. Всѣхъ бенефисовъ у меня было 19, изъ которыхъ послѣдній былъ юбилейнымъ. Конечно, не всѣ удавалось составлять удачно и часто при выборѣ приходилось грѣшить противъ литературныхъ требованій, но могу за то въ свое оправданіе сказать одно, что всѣ поставленныя мною пьесы имѣли успѣхъ, долго держались на сценѣ и дѣлали хорошіе сборы.

Мнѣ удалось, напимѣръ, выхлопотать у двухъ министровъ дозволеніе вновь играть запрещенныя трагедіи Шиллера «Разбойники» и «Коварство и любовь», которыя до возобновленія ихъ мною не игрались въ Россіи ровно тридцать лѣтъ и не только на русской сценѣ, но даже и на нѣмецкой.

При постановкѣ «Разбойниковъ», роль Франца игралъ В. В. Самойловъ, а роль Карла Моора—я. На сколько Самойловъ былъ превосходенъ, на столько я былъ слабъ. Кромѣ того, при исполненіи Карла, я чуть не потерялъ голоса... Гастролировавшій въ Петербургѣ С. В. Шумскій тоже игралъ Франца и, слѣдуетъ прибавить, очень хорошо, но совсѣмъ иначе, нежели Самойловъ, и, увы, не такъ эффектно, какъ послѣдній.

На Александринской сценѣ «Разбойники» шли по старому переводу, по которому игралъ еще В. А. Каратыгинъ. Въ послѣднее время мнѣ случалось видѣть эту трагедію на частныхъ сценахъ; ее играли совсѣмъ въ другой редакціи. Новѣйшіе актеры, изображающіе Франца, находятъ эффектнымъ вѣшаться на сценѣ, чего въ прежнемъ переводѣ не было. Я нахожу это не только не эффективнымъ, но просто не позволительнымъ зрѣлищемъ. Кромѣ того, что видѣть это неприятно, можетъ случиться и несчастіе, въ родѣ того, какое чуть было не произошло съ актеромъ М. Е. Дарскимъ, пріѣзжавшимъ гастролировать въ Гельсингфорсъ, во время моей антрепризы.

Какъ гастролеру и специалисту по части постановки классическихъ пьесъ, въ которыхъ онъ обыкновенно играетъ, я предоставилъ ему режиссировать самому и вовсе не являлся на репетиціи. Только вспомнивъ какъ-то, что въ роли Франца онъ вѣшается на сценѣ, я пожелалъ узнать, какъ это онъ дѣлаетъ, и просилъ его непременно, во избѣжаніе какихъ либо недоразумѣній, повѣситься на репетиціи при мнѣ. Дарскій обѣщаль исполнить мою просьбу, но, будучи отягощенъ хлопотами, объ этомъ забылъ. Позабылъ объ этомъ и я. Во время же самаго спектакля, передъ послѣднимъ актомъ, когда стали устраивать приспособленія для вѣшанія я потребовалъ отъ гастролера, чтобы эту сцену онъ предварительно прорепетировалъ. Какъ онъ ни отговаривался, увѣряя меня, что его секретъ безопасенъ и не внушаетъ опасеній, однако я настоялъ на томъ, чтобы онъ исполнилъ мое требованіе.

И вотъ что произошло.

Посреди сцены, на декоративной колоннѣ, былъ вбитъ огромный

крючекъ, за который Дарскій, влѣзая на табуретъ, не замѣтно зацѣпилъ маленькую петлю, бывшую на спинѣ его костюма, подъ которымъ скрывался корсетъ. Перекинувъ для вида веревку и обмотавъ ею горло, онъ оттолкнулъ изъ-подъ ногъ табуретку и такимъ образомъ повисъ на спинѣ. Секретъ оказался незамысловатымъ, но каковъ былъ ужасъ присутствующихъ, когда лицо артиста моментально измѣнилось, глаза налились кровью, и онъ едва могъ показать жестомъ, чтобы его сняли. Всѣ мы бросились къ нему на помощь и сняли съ крюка. Что же оказалось? Онъ забылъ разстегнуть воротъ сорочки подъ костюмомъ, и это самое могло его задушить во время представленія. Его спасла моя осторожность. А вѣдь во время дѣйствія никто бы не догадался подать ему помощь, воображая, что онъ задыхается для натуральности. Оказывается, что подобные эффекты не всегда бываютъ безопасны.

Я былъ весьма друженъ съ покойнымъ режиссеромъ императорскаго театра и извѣстнымъ драматургомъ Николаемъ Ивановичемъ Куликовымъ, который много содѣйствовалъ въ устройствѣ моихъ бенефисовъ. За послѣдніе годы я рѣдко обходился безъ его пьесы или по крайней мѣрѣ имъ присовѣтованной. По моему заказу, Куликовъ скомпановалъ «Русскіе романсы въ лицахъ». Я упротилъ его составить два акта изъ однихъ романсовъ, въ видѣ оперы, безъ разговоровъ. Какъ онъ первоначально ни отговаривался, но, всетаки, принялся за работу, и пьеса вышла очень удачная. Вплослѣдствіи, но уже безъ моей инициативы, онъ составилъ въ подобномъ же родѣ «Цыганскія пѣсни въ лицахъ», имѣющія, какъ извѣстно, неувадаемый успѣхъ. Кстати маленькій анекдотъ, относящійся къ «Русскимъ романсамъ въ лицахъ». Когда Николай Ивановичъ составлялъ эту вещицу, пришелъ къ нему знакомый священникъ и, увидя его за работой, спросилъ:

— Что пишете?

— Бездѣлушку для бенефиса одного пріятели.

— Трагедію или водевиль?

— Ни то, ни се, батюшка. Мы даже не можемъ придумать, какъ назвать эту исторію. Она не драма, не комедія, не трагедія, не водевиль. Вся пьеса состоитъ изъ пѣсенъ и романсовъ, тутъ не говорятъ ни слова, а только поютъ.

— Что же это музыкальная мозаика, что ли, какая?

— Какъ? Какъ вы сказали, батюшка?—радостно воскликнулъ водевильистъ.

— Музыкальная мозаика,—повторилъ священникъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ... Она самая и есть! Чудесно, лучшаго и не придумать. Мы ее такъ и назовемъ. Спасибо вамъ, батюшка.

Въ одинъ изъ моихъ бенефисовъ въ 70-хъ годахъ была пред-
ставлена трагедія «Неронъ». Эту пьесу собирались поставить въ
казенный спектакль съ богатой обстановкой. Я обратился къ П. С.
Федорову, съ просьбой разрѣшить эту пьесу впервые поставить въ
мой бенефисъ, но онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Обратитесь къ автору. Это очень чиновный, важный госпо-
динъ. Безъ его согласія дирекція не можетъ распоряжаться пьесой.
Если же онъ ничего противъ этого имѣть не будетъ, то разрѣ-
шимъ и мы.

Я зналъ пьесу, какъ длиннѣйшую и скучнѣйшую вещь, безъ
всякихъ литературныхъ достоинствъ и съ необычайно огромной
ролью самого Нерона. Въ матеріальномъ отношеніи трагедія эта
казалась выгодной. Она должна была сдѣлать сборъ.

Являюсь къ автору. Это былъ генералъ, занимавшій должность
директора въ какой-то канцеляріи.

Отрекомендовавшись, я изложилъ свою просьбу.

— Мнѣ васъ очень жаль, *mon cher*,—отвѣтилъ онъ,—но полез-
нымъ для васъ я быть не могу.

— Почему же, ваше превосходительство?

— А потому, что мою пьесу ждетъ съ нетерпѣніемъ почти
полгорода. У меня бездна знакомыхъ, которые слышали ее въ
моемъ чтеніи. Всѣ они восхищены, очарованы. А такъ какъ въ
бенефисы вы, гг. артисты, имѣете обыкновеніе увеличивать цѣны
на мѣста, то я и не желаю заставлять моихъ друзей переплачи-
вать лишнія деньги за билеты... Вѣдь вы, конечно, набавили бы
цѣны, если-бъ я отдалъ вамъ пьесу. Скажите откровенно.

— Безъ всякаго сомнѣнія, но не потому, что желалъ бы полу-
чить больше денегъ, а изъ уваженія къ вамъ.

— Я васъ не понимаю,—удивленно сказалъ собесѣдникъ.

— Ваша трагедія —такое выдающееся произведение, что пока-
зывать ее въ первый разъ по дешевой цѣнѣ просто-таки грѣшно.
Помоему и дирекція сдѣлаетъ большую ошибку, если позволитъ
играть ее, не набавивъ цѣны, даже въ обыкновенный спектакль.

— Неужели вамъ такъ нравится мой «Неронъ»? — съ самодо-
вольной улыбкой спросилъ авторъ.

— Я отъ него въ восторгѣ. Перечитывая его нѣсколько разъ,
я набрался храбрости явиться къ вамъ и просить его для своего
бенефиса.

— Да, я понимаю васъ, *mon cher*. Не вы одни это говорите.
Но вотъ затрудненіе, если бы я и согласился на вашу просьбу, то
не смогъ бы найти для васъ подходящей роли. Кого вы можете
играть? Роль Нерона у меня очень просилъ Самойловъ. Онъ также,
какъ и вы, просто бредитъ ею.

— Не беспокойтесь. Я согласенъ даже вовсе не играть въ ва-
шей пьесѣ, чтобы имѣть возможность любоваться ею изъ зритель-
наго зала.

— Вы мнѣ очень нравитесь, mon cher. Я бы очень желалъ исполнить вашу просьбу, но меня страшно стѣсняетъ надбавка на мѣста. У меня столько знакомыхъ, которые просили о ложахъ, и я имъ сказалъ, что цѣны будутъ самыя умѣренныя. Вы возбудили во мнѣ столько симпатіи въ вамъ, что я хочу вамъ предложить вотъ что: если вы пообщаете мнѣ, что бель-этажъ будетъ стоить не дороже 15 рублей, то извольте, такъ и быть, я отдамъ вамъ своего «Нерона».

— Сдѣлайте одолженіе. Хоть эта цѣна и черезчуръ ничтожна для такого спектакля, но, дорожа честью, оказываемою мнѣ, я съ удовольствіемъ соглашаюсь на это.

— Въ такомъ случаѣ, пьеса къ вашимъ услугамъ. Можете объявить объ этомъ дирекціи.

Я распрощался съ нимъ до предстоящихъ репетицій. Бенефисъ мнѣ былъ разрѣшенъ, и я получилъ незначительную роль благороднаго раба, угнетаемаго своимъ господиномъ. Роль хороша была тѣмъ, что заключала въ себѣ только одно явленіе. Постановка была очень хороша. Для всего громаднaго персонала участвующихъ сшили новые костюмы, нарисовали новыя декораціи и сдѣлали новые аксессуары.

Послѣ нѣсколькихъ репетицій, я получаю отъ автора письмо, въ которомъ онъ проситъ немедленно пріѣхать къ нему. Посланный на словахъ передалъ, что генераль не совсѣмъ здоровъ. Ёду и застаю его въ больномъ волненіи. При моемъ появленіи онъ дружески протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Извините меня, mon cher, что я васъ потревожилъ... Я совершенно боленъ. Цѣлую ночь не спалъ. Меня мучила неотвязная мысль: за что я васъ обидѣлъ?

— Чѣмъ это?—удивился я.

— Какъ чѣмъ? Не я ли стѣснилъ васъ моимъ требованіемъ уменьшить цѣны на бель-этажъ?.. Въ настоящее время, когда я вижу по репетиціямъ, какъ великолѣпно идетъ пьеса, самъ нахожу, что дѣйствительно мало 15 рублей за бель-этажъ. Для «Нерона» эта сумма ничтожна. Она можетъ уронить достоинство трагедіи. Успокойте меня, назначьте цѣну дороже.

— Благодарю васъ за участіе, но теперь измѣнять цѣны поздно.

— Почему поздно? Никогда не поздно исправлять свои ошибки.

— Поздно потому, что цѣны уже утверждены дирекціей.

— Прошу васъ ради моего спокойствія, поѣзжайте немедленно куда слѣдуетъ и постарайтесь, чтобы ихъ не продавали дешевле 25 рублей.

Отправляюсь въ театральную контору. Обращаюсь къ управляющему А. Ф. Юргенсу:

— Позвольте узнать, Андрей Ѳедоровичъ, подписаны директоромъ представленныя мною цѣны на бенефисъ, или нѣтъ еще?

— Какъ же, вотъ онъ!
 — Вышла большая ошибка.
 — Какая? Въ чемъ?
 — Тутъ поставлена цѣна на бель-этажъ 15 рублей, тогда какъ нужно поставить двадцать пять.

— Это почему?

— Я сейчасъ отъ автора. Онъ захворалъ отъ мысли, что заставилъ меня назначить такую дешевую цѣну. Онъ убѣдительно проситъ исправить ошибку и поставить 25 рублей... потому что пьеса слишкомъ хороша.

— Будетъ ли сборъ и по такой-то цѣнѣ?

— Насчетъ этого беспокоиться нечего. Всѣ ложи бель-этажа авторъ беретъ распродать самъ.

— Въ такомъ случаѣ скажите ему, что можно. Я скажу директору.

И тутъ же собственноручно переправилъ на листѣ цыфру 15 на 25.

Въ сценѣ на пиру пѣлъ огромный хоръ, музыка для котораго была написана кѣмъ-то специально. Темпъ ея крайне грустный и монотонный. Я удивился, что хоръ начинаетъ пѣсню послѣ словъ кого-то изъ дѣйствующихъ лицъ: «Начинайте скорѣе веселый хоръ».

На одной изъ репетицій я подошелъ къ автору и спросилъ его:

— Извините мое недоумѣніе: хоръ называютъ веселымъ, а музыка точно похоронная?

— Какъ похоронная? Вы, должно быть, *non cher*, мало знакомы съ римскими нравами. Это самый веселый мотивъ, который могъ быть при Неронѣ.

Заглавную роль взялся играть Самойловъ, прельстившійся, должно быть, эффектнымъ положеніемъ героя, который съ перваго дѣйствія начинаетъ мучить и казнить всѣхъ своихъ подданныхъ и послѣдній актъ кончаетъ въ сообществѣ двухъ, или трехъ чело-вѣкъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ до эпилога, но въ концѣ концовъ, все-таки, погибающихъ.

Со стихами трагедіи Самойловъ не церемонился. Облекся онъ въ римскую тогу, голову украсилъ вѣнкомъ и, выйдя на сцену, говорилъ все, что только ни взбредетъ ему на умъ. Изъ пьесы же онъ не сказалъ ни одной живой фразы. Представленіе «Нерона» было утомительно и, не смотря на краткость антрактовъ, оно кончилось въ часъ ночи.

П. А. Каратыгинъ съ П. И. Григорьевымъ свои роли кончали въ 3 дѣйствіи, гдѣ ихъ Неронъ приказываетъ казнить. Придя въ уборную и сбрасывая съ себя римское одѣяніе, Петръ Андреевичъ сказалъ:

— Вотъ всѣ отзываются о Неронѣ дурно, называя его ужаснымъ злодѣемъ, а помоему это—прекрасный чело-вѣкъ. Онъ могъ бы

проморить насъ до конца, а между тѣмъ въ третьемъ еще дѣйствіи надъ нами сжалился и казнилъ. Спасибо ему!

Конечно, пьеса не имѣла никакого успѣха и послѣ пятого представленія была снята съ репертуара на вѣчныя времена.

Какъ иногда ничтожные пустяки служатъ основаніемъ крупныхъ неприятностей! Однажды понадобилась мнѣ для бенефиса небольшая трех-актная пьеска. Переспросилъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ драматурговъ, но ни у кого изъ нихъ не было въ запасѣ таковой. Поэтому, вооружась терпѣніемъ, отправился я рыться въ шкафу нашего театральнаго комитета, членомъ котораго я пребывалъ долгое время. Покойный П. А. Каратыгинъ однажды попросилъ сдѣлать то же, но, не найдя ничего порядочнаго, сказалъ слѣдующій экспромптъ:

Изъ ящика всю выбравъ требуху,
Я двадцать пять пьесъ прочелъ въ стихахъ и прозѣ,
Но мнѣ не удалось, какъ въ баснѣ пѣтуху,
Найти жемчужину въ навозѣ.

На этотъ разъ я былъ счастливѣе коллеги. Мнѣ попалась весьма занимательная пьеса, называвшаяся:

Странное стеченіе обстоятельствъ.
Комедія въ 3 дѣйст. А. Р—на.
(Сюжетъ заимствованъ).

Внизу тетради былъ проставленъ адресъ автора, какого-то г. Рѣдкина.

Пьеса мнѣ очень понравилась. Я собственноручно нѣсколько исправилъ ее и совершенно машинально, имѣя въ рукѣ карандашъ, зачеркнулъ слова «сюжетъ заимствованъ». Повидавшись съ авторомъ, я отдалъ пьесу играть, и она появилась на афишѣ безъ вычеркнутой мною фразы о заимствованности сюжета. Въ этой комедіи покойные Линская и Павелъ Васильевъ играли такъ великолепно, что успѣхъ съ перваго же представленія былъ обезпеченъ. Публика хотела до слезъ и безконечное число разъ вызывала автора. Г. Рѣдкинъ не безъ достоинства раскланивался изъ директорской ложи.

Черезъ день появились въ газетахъ отчеты о бенефисѣ. Одинъ изъ рецензентовъ рѣзко выразилъ неудовольствіе, что за переведенную съ нѣмецкаго пьесу А. Розена, при вызовахъ автора, развязно раскланивался какой-то неизвѣстный господинъ. Въ концѣ дѣлался упрекъ дирекціи, что она выдаетъ простые переводы за оригинальныя сочиненія.

П. С. Оedorовъ сильно встревожился, долго разсуждалъ объ этомъ въ комитетѣ и, въ наказаніе г. Рѣдкину, хотѣлъ снять съ репертуара его комедію.

— Это недоразумѣніе!—замѣтилъ я ему.

— Нѣтъ-съ, далеко не недоразумѣніе. Это плагиатъ, за который можно поплатиться репутаціей. Я этого автора принужденъ буду судить. Онъ ввелъ въ заблужденіе дирекцію.

— Но, позвольте, Павелъ Степановичъ,—перебилъ я разсердившагося не на шутку начальника репертуара:—это не г. Рѣдкинъ ввелъ въ заблужденіе дирекцію, а я.

— Какъ вы?.. Впрочемъ, да,—вы откопали этого талантливаго водевилиста.

— На экземплярѣ, представленномъ въ комитетъ, была оговорка, что «сюжетъ заимствованъ», а я ее вычеркнулъ.

— Да какое же вы имѣли право это сдѣлать? Изъ-за васъ вся дирекція попала впросакъ.

— Нечаянно.

— Нечаянно? Ну, такъ я долженъ вамъ сказать, что вы оказали медвѣжьёю услугу своему автору. Послѣ этого скандала его пьеса на императорской сценѣ представляема быть не можетъ.

Я указалъ на ея несомнѣнный успѣхъ.

— Ничего не значитъ... Она, слѣдовательно, только потому и хороша, что заимствована... и притомъ чрезвычайно безперемонно.

Наконецъ, послѣ долгихъ объясненій, мнѣ удалось отстоять ея дальнѣйшее появленіе на сценѣ, и она сдѣлала много хорошихъ сборовъ.

Въ 1875 году, недуманно-негаданно, игралъ я «Гамлета» (еще въ старинномъ переводѣ Полевого). Роль эта казалась мнѣ всегда до того трудной, отвѣтственной и непосильной, что я отказывался отъ нея рѣшительно даже и тогда, когда сама дирекція предлагала мнѣ въ ней выступить. Но тутъ я игралъ изъ самолюбія, по капризу.

Вѣроятно, до сихъ поръ многіе помнятъ, какой продолжительной и озлобленной брани подвергался я въ тѣ времена. Господа журналисты были безпощадны. Они избрали меня вѣчною мишенью и въ продолженіе всего моего пребыванія на казенной сценѣ въ эту мишень направляли свои стрѣлы, преисполненныя яда и ничѣмъ невызываемой съ моей стороны ненависти. Мало того, что разносили меня, какъ актера, но даже вторгались въ мою частную жизнь и прямо клеветали на меня, инсинуировали. Въ 1875 году, мѣсяца за два до моего бенефиса, вдругъ я читаю въ одной изъ газетъ, особенно энергично глумившейся надо мной, что ей извѣстно «изъ достовѣрныхъ источниковъ» о моемъ намѣреніи сыграть въ свой бенефисъ Гамлета. По этому поводу было приписано нѣсколько дешевыхъ остротъ и каламбуровъ. Черезъ нѣсколько дней въ этой же газетѣ появляется сообщеніе, что «дирекція благоразумно отказала мнѣ въ постановкѣ на бенефисъ Шекспировскаго перла».

Какъ та, такъ и другая замѣтка заключали въ себѣ ложь, вторая даже обидную. Я возмущился этой репортерской выходкой и вознамѣрился непремѣнно поставить въ бенефисъ «Гамлета», чтобы доказать враждебно относившейся ко мнѣ прессѣ, что дирекція отнюдь не запрещала мнѣ выступить въ этой роли.

Я обратился къ начальству, которое одобрило мое намѣреніе. «но... объявили мнѣ, можетъ встрѣтиться затрудненіе въ декора, цѣяхъ. Спѣшите къ завѣдующему гардеробной и декоративной частью Н. А. Лукашевичу».

Я къ нему.

— Ничего не могу вамъ обѣщать, — отвѣтилъ мнѣ Лукашевичъ. — Въ настоящее время всѣ декораторы заняты новымъ балетомъ. Я увѣренъ, что они не поспѣютъ сдѣлать къ вашему бенефису ни одного костюма, а между тѣмъ «Гамлета» ставить какъ нибудь нельзя. Для него требуется приличная обстановка. Выберите какую нибудь другую пьесу.

— По разнымъ обстоятельствамъ, другого выбрать я ничего не могу. Если нельзя поставить «Гамлета» теперь, то лучше я отложу бенефисъ на годъ, но непремѣнно буду играть его.

Кое-какъ все это устроилось, и представленіе «Гамлета» было улажено. Когда же это извѣстіе дошло до моихъ газетныхъ друзей, то въ продолженіе полутора мѣсяца, буквально изо дня въ день, шла такая травля, что самые непримиримые враги стали меня сожалѣть. Не говоря объ издѣвательствѣ надо мною, стали предупреждаться всѣ артисты, что ихъ участіе въ «Гамлетѣ» не безопасно. Требовали, чтобы они отказались отъ своихъ ролей во избѣжаніе непріятностей. Кто-то даже сочинилъ анекдотъ, какъ я будто бы просилъ В. В. Самойлова (на самомъ дѣлѣ не было и рѣчи) сыграть Полонія, на что Самойловъ будто бы насмѣшливо мнѣ отвѣтилъ:

— Извольте, я сыграю, если вы похлопочете, чтобы пьесу на этотъ разъ переименовали изъ «Гамлета» въ «Полонія».

Публикѣ же совѣтовалось не ходить на это поворное зрѣлище, или же идти только съ одною цѣлью: посмѣяться, такъ какъ де все это должно быть курьезно, дико и безобразно.

Какъ меня ни отговаривали друзья, испугавшіеся газетныхъ демонстрацій, отказаться отъ постановки «Гамлета», но я упрямо рѣшилъ сыграть его во что бы то ни стало, какія бы послѣдствія меня ни ожидали... Бенефисъ состоялся. Трагедія Шекспира прошла болѣе чѣмъ благополучно. Театръ былъ полонъ, и я имѣлъ успѣхъ, хотя, говоря откровенно, я не заслуживалъ и половины его своимъ слабымъ исполненіемъ. Послѣ этого мы еще много разъ играли «Гамлета» и всегда очень успѣшно. Разумѣется, все хорошо, что хорошо кончается, но трудно передать чувства актера, поставленнаго въ такія исключительныя обстоятельства. Выходить въ

отвѣтственной роли послѣ цѣлаго града газетныхъ ругательствъ передъ публикой, предупрежденной о непремѣнномъ провалѣ, это—цѣлый подвигъ... Испытать такое состояніе, какое выпало мнѣ на долю въ день перваго представленія «Гамлета», мнѣ кажется, не приходилось никому, и дай Богъ, чтобы никто его не испытывалъ...

Въ бенефисъ 1881 года я поставилъ «Ревизора» съ новой обстановкой и по прежнему тексту, по которому его играли въ первый разъ въ 1836 году при жизни Н. В. Гоголя.

Комедія эта, какъ мнѣ извѣстно отъ И. И. Сосницкаго, до перваго представленія много разъ передѣлывалась и приспособлялась къ сценѣ авторомъ, при совѣтахъ его друзей, между прочимъ, актеровъ Щепкина и Сосницкаго. До начала семидесятыхъ годовъ она такъ и игралась всюду, пока не пришла идея моему покойному сослуживцу П. И. Зуброву поставить «Ревизора» въ свой бенефисъ по полному тексту, въ первоначальномъ его видѣ, напечатанномъ въ собраніи сочиненій Гоголя.

Многіе доказывали Зуброву, что это повредитъ пьесѣ, что представленіе ея будетъ длиться часа на полтора лишнихъ, что исправленный Гоголемъ текстъ несравненно выгоднѣе и интереснѣе. Онъ, всетаки, настоялъ на своемъ и получилъ разрѣшеніе играть «Ревизора» въ новомъ, ему угодномъ видѣ. Зубровъ, конечно, преслѣдовалъ коммерческія цѣли. Ему нужно было сдѣлать сборъ, чего онъ и достигъ при помощи широкой рекламы.

Зуброву это было разрѣшено только на одинъ спектакль, но послѣ его бенефиса участвовавшіе въ комедіи полѣнились переучивать свои роли, и «Ревизоръ» сталъ играть въ этомъ невѣрномъ видѣ почти на всѣхъ театрахъ, какъ будто бы какая нибудь новость, до того не разрѣшаемая цензурой.

Въ 1881 году на представленную мною пьесу для бенефиса «Христофоръ Колумбъ» я получилъ отъ начальника репертуара Л. рѣшительный отказъ. Не имѣя другой про запасъ пьесы, я надумалъ поставить «Ревизора», но непремѣнно по тому экземпляру, по которому эта комедія игралась при Гоголѣ. Однако, получить на это разрѣшеніе было не такъ легко, какъ, напримѣръ, Зуброву, установившему на императорской сценѣ не того «Ревизора», котораго Гоголь приготовилъ для театра, а того, который попалъ въ печать, съ цѣнною только для библіографовъ полнотою.

— Почему вы знаете, — спросилъ меня Л., — что Гоголь желалъ исполненія своей комедіи именно по тому списку, на который вы указываете, а не по тому, по которому теперь играютъ?

— Я это знаю отъ близкихъ къ Гоголю людей. Напримѣръ, отъ Ивана Ивановича Сосницкаго, который первый игралъ городничаго и былъ друженъ съ авторомъ «Ревизора».

— Гдѣ же этотъ, указываемый вами, текстъ?

— Въ нашей театральной библиотекѣ, въ рукописной.

— Я не могу довѣрить, — возразилъ Л., — ни вамъ, ни Сосницкому, котораго нѣтъ уже на свѣтѣ, ни тѣмъ болѣе рукописи, которую могли передѣлывать помимо самого автора другіе. Если вы доставите мнѣ печатный экземпляръ, схожій съ рукописью, тогда я разрѣшу играть «Ревизора» попрежнему, но не иначе.

Что дѣлать? Гдѣ достать этотъ печатный экземпляръ? Да и есть ли онъ? Я бросился въ Публичную библиотеку и, къ счастью своему, нашелъ тамъ изданіе комедіи 1836 года, съ собственноручной подписью Гоголя «Николаю Васильевичу Дюру отъ автора». Мнѣ любезно разрѣшили взять эту книгу на одинъ день къ себѣ. Конечно, я объяснилъ предварительно свою неотложную надобность въ ней.

Сличивъ экземпляръ съ рукописью, Л. снизошелъ къ моей просьбѣ, и «Ревизоръ» былъ представленъ попрежнему. Однако, вскорѣ послѣ моего бенефиса было приказано опять вернуться къ тексту, напечатанному въ сочиненіяхъ. Итакъ, до сихъ поръ, съ легкой руки П. И. Зуброва, «Ревизоръ» играется въ первоначальномъ своемъ видѣ, а не въ исправленномъ для сцены самимъ авторомъ.

XXVII.

Режиссеръ Е. И. Вороновъ. — Самообразование его. — Его скромное положеніе на сценѣ. — Неожиданное назначеніе главнымъ режиссеромъ. — Завѣтъ А. М. Геденова. — Условіе не влюбляться въ актрисы. — Равнодушіе Воронова къ женщинамъ. — Характеръ Воронова. — Его педантизмъ и пунктуальность. — Штрафъ съ самого себя. — Оштрафованіе Самойлова. — Раздраженіе Самойлова по этому поводу. — Объясненіе съ Вороновымъ. — Невозмутимость его. — Болѣзнь законнѣе семейныхъ обстоятельствъ. — Отношенія режиссера къ артистамъ. — Странность характера относительно портрета. — Страсть Воронова къ писарству. — Обхожденіе съ драматургами. — Отношеніе къ Федотову. — Лаконическій отвѣтъ. — Объясненіе актера-просителя съ Вороновымъ. — Случай съ артисткой Г-вой. — Отказъ отъ режиссирования оперетки. — Взглядъ Воронова на оперетку. — Умѣнье ставить народныя сцены. — Теорія драматическаго искусства, написанная Вороновымъ.

При моемъ поступленіи на сцену, режиссеромъ русской драматической труппы былъ Евгеній Ивановичъ Вороновъ, личность въ высшей степени честная, оригинальная и заслужившая всеобщее уваженіе. Обыкновенно его находили слишкомъ педантичнымъ, черзчуръ строгимъ, непоколебимо упрямымъ и въ то же время весьма справедливымъ, серьезнымъ, хорошо знающимъ свое дѣло. Свое скудное воспитаніе Евгеній Ивановичъ получилъ въ дореформенномъ театральномъ училищѣ и, не смотря на это, онъ считался образованнымъ, умнымъ человѣкомъ; существованію этого мнѣнія

способствовала его начитанность, любознательность, при помощи которой онъ и достигъ довольно таки основательнаго самообразования.

По выходѣ изъ театральнаго училища больнымъ и чахоточнымъ, каковымъ онъ и былъ до конца жизни, Евгеній Ивановичъ занялъ въ драматической труппѣ очень скромное положеніе «незамѣтной полезности». Его актерское дарованіе было весьма сомнительно, своихъ административныхъ способностей онъ ни въ чемъ не проявлялъ и не могъ проявить, а между тѣмъ вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, получилъ должность главнаго режиссера. Этому почетному возвышенію онъ обязанъ былъ какому-то глупому, скабрзному происшествію, имѣвшему мѣсто за кулисами Александринскаго театра; до него бывшій режиссеръ позволилъ себѣ что-то черезчуръ непозволительное съ одной изъ актрисъ, на что вспылалъ гнѣвомъ директоръ А. М. Гедеоновъ, моментально уволившій виновника и на его должность моментально же опредѣлившій актера Воронова. Этотъ выборъ повергъ всю труппу въ недоумѣніе, всѣ удивленно пожимали плечами и скептически присматривались къ дѣятельности новичка режиссера, до этого ничѣмъ себя не зарекомендовавшаго. Наибольшее распространеніе имѣла та догадка, въ которой мотивировалось избраніе Воронова за его скромный, тихій характеръ, за его манеру держаться особнякомъ, за его постоянную сосредоточенность и главное за невнимательность къ дамскому персоналу.

Вотъ какъ самъ Вороновъ рассказывалъ о своемъ назначеніи.

— Въ одно прекрасное утро меня приглашаютъ къ директору. Это неожиданное приглашеніе, конечно, ввергло меня въ смущеніе. Съ трепетнымъ сердцемъ являюсь къ Александру Михайловичу и предъ его грозными очами превращаюсь въ вопросительный знакъ. Оглядѣлъ онъ меня съ ногъ до головы. «Ну, думаю, провинился». Я приготовился выслушать обычное распеканіе, съ жестокими словами, но, противъ чаянія, его превосходительство, не возвышая голоса, проговорилъ: «назначаю тебя режиссеромъ». Это было такъ внезапно, что я не напелся отвѣтомъ, и на лицѣ моемъ, должно быть, выразилось большое изумленіе, потому что Гедеоновъ успѣшилъ замѣтить: «Не удивляйся, я знаю лучше тебя, что дѣлаю. Служи, но помни одно, что ты будешь не начальникомъ, а только распорядителемъ. Самое же главное—не смѣй влюбляться въ актрисы!!». Я поблагодарилъ его за назначеніе и относительно послѣдняго пункта условія сказалъ: «Ваше высокопревосходительство, не извольте беспокоиться насчетъ моей влюбчивости. Я женатъ и довольствуюсь своимъ семейнымъ очагомъ»...

И точно во всю свою жизнь Вороновъ не оказалъ ни малѣйшаго предпочтенія ни одной актрисѣ, не смотря ни на какія съ ихъ стороны искательства, ласки, взгляды и т. п. вѣрныя средства женскаго обольстительнаго кокетства. Онъ былъ не приступень, и

ни одна изъ нихъ не могла никогда смягчить его рѣшеній относительно взысканій, штрафовъ и пр.

Евгеній Ивановичъ обладалъ изумительнымъ хладнокровіемъ и умѣло отстранялъ отъ себя всякія неудовольствія и неприятности, которыя могли быть ему нанесены кѣмъ либо изъ подчиненныхъ, не всегда соглашавшихся съ его дѣйствіями, всегда строго мотивированными правилами и законами. Всѣ его служебныя распоряженія дѣлались согласно печатному положенію объ обязанностяхъ артистовъ; въ своихъ требованіяхъ и взысканіяхъ онъ былъ пунктуаленъ до мелочности и, кромѣ всего этого, обожалъ бумажное дѣлопроизводство. Иногда даже необходимыя личныя объясненія съ начальствомъ и конторой онъ замѣнялъ письменными рапортами и отчетами, что подчасъ доходило до смѣшнаго.

Какъ онъ былъ пунктуаленъ, можно видѣть изъ того, что, будучи режиссеромъ, однажды самъ себя општрафовалъ за получасовое опозданіе на репетицію. Самъ на себя написалъ рапортъ и настоялъ въ конторѣ, чтобъ непременно сдѣлали вычетъ изъ его жалованья. А какимъ образомъ Вороновъ умѣлъ охлаждать гнѣвъ и раздраженіе недовольныхъ имъ артистовъ, можно припомнить одинъ случай съ В. В. Самойловымъ.

Является однажды изъ театральной конторы на репетицію Василій Васильевичъ взволнованный и раздраженный, причиною чего было то, что съ него взяли по рапорту Воронова штрафъ за неявку на репетицію. Войдя въ уборную, гдѣ назначена была считка новой пьесы, и гдѣ еще Евгенія Ивановича не было, Самойловъ скалъ, обращаясь къ сослуживцамъ:

— Чортъ знаетъ, что у насъ нынѣ дѣлается... Никогда небывалое безобразіе! Абсурдъ!

— Что такое?

— Да какъ же: прихожу сейчасъ въ контору, и вдругъ мнѣ преподносятъ сюрпризъ. Смотрю бумагу и глазамъ не вѣрю: я општрафованъ на восемьдесятъ рублей... За что—про что?

— Неужели?

— Да-съ... Я этому, съ позволенія сказать, господину режиссеру послалъ какъ-то записку, что никакъ не могу присутствовать на репетиціи, а онъ взялъ и настрочилъ на меня штрафъ. Я его своевременно увѣдомилъ о невозможности явиться въ театръ, чего ему нужно было?.. Гдѣ онъ, чортъ, его возьми?.. Я съ нимъ сейчасъ такъ поговорю, что отобью охоту жаловаться на меня.

Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Вороновъ. Самойловъ бросается къ нему на встрѣчу и только собирается обрушиться на него съ упреками, какъ Евгеній Ивановичъ прехладнокровно и съ невинной улыбкой хватаетъ его за руку и участливо говоритъ:

— Здравствуйте, дорогой Василій Васильевичъ! Что съ вами? Вы точно не въ духѣ?

— Какъ что? Помилуйте... Вы на меня рапортъ строчите, а съ меня деньги берутъ? Что это за новости, что это за порядки? Что это за канцелярщина у насъ появилась?

— Вы напрасно изволите гнѣваться, Василій Васильевичъ,— хладнокровно отвѣтилъ Вороновъ.— Я штрафоваль васъ по обязанности: вы не явились на репетицію...

— Такъ что-жь? Я вѣдь васъ своевременно извѣстилъ запиской о томъ, что не могъ быть... Получили вы эту записку?

— Получить-то ее я получилъ, но что вы въ ней написали?.. По какой причинѣ вы не явились-то?

— Какъ по какой? Кажется, ясно было написано, что не могу быть на репетиціи по домашнимъ обстоятельствамъ.

— Ну, вотъ видите ли, почтеннѣйшій Василій Васильевичъ... Вы слишкомъ 30 лѣтъ прослужили на сценѣ и не знаете, что по уставу эта причина не принимается во вниманіе. Только болѣзнь допускаетъ игнорированіе репетиціей... одна болѣзнь...

— Вотъ это мило! Болѣзнь!—возразилъ сердитымъ и насмѣшливымъ тономъ Самойловъ.— Такъ, повашему, если бы я написалъ, что у меня внезапное разстройство желудка, то вы меня не подвергли бы штрафу?

— Разумѣется... И, пожалуйста, въ слѣдующій разъ пишете всегда такъ... а ужъ теперь извините... не моя вина, я только исполнитель возложенныхъ на меня обязанностей.

Со всѣми артистами у Воронова существовали отношенія только служебныя. Онъ положительно ни съ кѣмъ не былъ ни друженъ, ни близокъ и потому, конечно, ни къ кому не былъ пристрастенъ, благодаря чему избѣгалъ всякихъ упрековъ. Онъ даже ни съ кѣмъ изъ сослуживцевъ не велъ знакомства домами. Ни у одного изъ нихъ онъ никогда не бывалъ, точно такъ же, какъ и его никто не посѣщалъ. Странности его характера можно приписать то, что онъ во всю свою жизнь не позволялъ снять съ себя портрета, почему вовсе и не имѣется его изображенія ни фотографическаго, ни какого либо другаго. Онъ это считалъ совершенно бесполезнымъ какъ для себя, такъ и для другихъ.

Евгеній Ивановичъ имѣлъ всегда бодрый видъ, не смотря на то, что былъ уже пожилымъ человѣкомъ. Темнорусые волосы обрамляли его худощавое лицо, всегда казавшееся озабоченнымъ, усталымъ, серьезнымъ. Въ разговорѣ придерживался резонерскаго тона, щеголялъ хладнокровіемъ и любилъ иногда иронизировать. Обладалъ спартанскими наклонностями въ домашнемъ обиходѣ и никогда не занимался своимъ туалетомъ. Покрой костюма имѣлъ оригинальный, всякія удовольствія и развлечения не признавалъ вовсе и даже слушать о нихъ не хотѣлъ. Имѣлъ непреодолимую страсть къ писарству, почему нерѣдко собственноручно соста

влялъ монтировки новыхъ пьесъ, не говоря уже о рапортахъ и отчетахъ, которыми онъ буквально осаждалъ контору.

Многіе его не любили, но уважали безусловно всѣ. Это уваженіе онъ заслуживалъ своею неподкупностью, справедливостью и честностью... Ко всѣмъ драматургамъ, будь это Островскій, графъ А. К. Толстой, или только что начинающій неизвѣстный бѣднякъ и труженикъ, Вороновъ относился совершенно одинаково. П. С. Оедорова онъ недолюбливалъ, а потому всякое давленіе со стороны начальника репертуара находило въ немъ самоотверженнаго оппонента, въ особенности же его возмущали нападки Павла Степановича на артистовъ, за которыхъ Евгеній Ивановичъ энергично и смѣло заступался. Это я даже испыталъ на себѣ, когда одно время Оедоровъ меня притѣснялъ...

Къ просьбамъ неспособныхъ актеровъ, несносно пристававшихъ къ Воронову о порученіи имъ хорошихъ отвѣтственныхъ ролей, Евгеній Ивановичъ относился безучастно. Напримѣръ, одинъ изъ такихъ незамѣтныхъ, но крайне самолюбивыхъ господъ, упорно и долго насѣдалъ на него съ требованіемъ дебюта. Вороновъ каждый разъ отвѣчалъ ему только однимъ звукомъ: «у!... у!!.. у!!!...».

Актеру это, наконецъ, надоѣло, и онъ, выбравъ удобную минуту, потребовалъ объясненія. Подошелъ онъ не безъ волненія къ Евгенію Ивановичу и раздраженно спросилъ:

— Позвольте же узнать, что это за проклятое «у-у-у», которыми вы изволите постоянно отвѣчать на мою просьбу?

— Неужели вы не понимаете?

— Конечно, не понимаю... Да не только я, но, надо полагать, никто въ мірѣ этого не пойметъ...

— Въ такомъ случаѣ я вамъ разъясню: «у» есть междометіе.

— Согласенъ, что междометіе, но что оно у васъ означаетъ?

— У-ди-вле-ні-е!

Всякое приказаніе изъ дирекціи или непосредственно отъ начальства Вороновъ исполнялъ безпрекословно, не выражая ни одобренія, ни порицанія. Къ женской красотѣ онъ не питалъ ни малѣйшаго почтенія; на женскія прелести и костюмы смотрѣлъ на сценѣ, какъ на декорацію, необходимую для пьесы, и строго въ этомъ отношеніи требовалъ приличія и благонравія. Однажды, во время представленія оперетты «Орфей въ аду», въ антрактѣ подходитъ къ Воронову его жена, бывшая также актрисой, и обращаетъ его вниманіе на черезчуръ откровенное декольте артистки Г—вой, которая готовилась предстать передъ публикой въ такомъ видѣ. Евгеній Ивановичъ, съ обычнымъ своимъ спокойствіемъ, приблизился къ Г—овой, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и невозмутимымъ голосомъ произнесъ, показывая рукой на ея грудь:

— Пожалуйста, уберите все это!!

Вороновъ былъ непримиримымъ врагомъ оперетки, и когда она стала появляться на нашей сценѣ, онъ наотрѣвъ отказался ставить «Прекрасную Елену», предоставивъ это дѣло самому бенефицианту. Свой отказъ онъ мотивировалъ слѣдующимъ доводомъ:

— Я нахожу, что ставить подобную безнравственную пьесу, какъ «Прекрасная Елена», на той же сценѣ, гдѣ играетъ Шекспиръ, Гоголь, Грибоѣдовъ, стыдъ и грѣхъ. Для подобныхъ вещей нужно устроить другой театръ и поставить другого режиссера. Я считаю своею нравственною обязанностью не допускать этой скабрёзной галиматии до императорскаго театра и недоумѣваю, какъ она проникла къ намъ...

И дѣйствительно «Елена» была поставлена безъ его участія.

Въ историческихъ и народныхъ пьесахъ, какъ, на примѣръ, «Смерть Іоанна Грознаго», «Дмитрій Самозванецъ» Чаева и др., Вороновъ мастерски, эффектно и великолѣпно ставилъ народныя сцены. Подъ его управленіемъ толпа жила, это были живыя лица, принимавшія близкое участіе въ ходѣ событій. Всѣ эти картины обыкновенно вызывали общій восторгъ зрителей и имѣли огромный успѣхъ.

Не знаю, на сколько хорошимъ преподавателемъ драматическаго искусства былъ Вороновъ, но свѣдущіе люди отзывались съ большою похвалою о написанной имъ «теоріи».

XXVIII.

Н. И. Куликовъ.—Начало знакомства съ нимъ.—Мой первый визитъ къ нему.—Его веселость и остроуміе.—Время его режиссерства на сценѣ Александринскаго театра.—Его строгость.—Случай съ женой его, Варварой Александровной.—Исполнительный сторожъ.—Резолюція Куликова.—Штрафъ съ Куликова.—Объявленіе ему объ этомъ.—«Не вѣрно!»—Находчивость его.—Разговоръ Куликова въ церкви съ двумя офицерами.—Его драматургическая дѣятельность.—Его оперныя либретто.—Зарокъ Куликова относительно работы для театра.—Отмѣна этого зарока.—Служба Куликова на Московской сценѣ и переходъ въ Петербургъ.—Происхожденіе званія «главный» режиссеръ.—Разказъ Куликова про Максимова.—Пѣшее путешествіе въ гости.—Встрѣча съ актрисой Дюръ.—Ухаживаніе за ней.—Носовой платокъ.—Пропажа пяти рублей.—Ихъ похититель.—Трагическое привзаніе.

Съ Николаемъ Ивановичемъ Куликовымъ, бывшимъ гораздо ранѣе Воронова главнымъ режиссеромъ нашей драматической труппы, я поддерживалъ долготѣнее близкое знакомство. Послѣднія сорокъ лѣтъ жизни онъ занимался исключительно переводами и сочиненіями оригинальныхъ пьесъ, отъ которыхъ имѣлъ хорошій доходъ, дававшій ему возможность безбѣдно существовать.

Когда я впервые встрѣтился съ Куликовымъ, это былъ уже достаточно дряхлый старикъ, ходившій на костыляхъ, однако живо

интересовавшійся театромъ. Мой первый визитъ къ нему былъ вызванъ однимъ изъ закулисныхъ празднествъ, къ которому готовились заранѣе. Я посѣтилъ его съ просьбой сочинить приличную случаю интермедію для торжественнаго спектакля, въ которомъ собирались чествовать, не помню теперь по какому поводу, В. В. Самойлова. Я принималъ большое участіе въ составленіи этого спектакля и намѣревался къ этому же привлечь Н. И. Куликова, какъ талантливаго драматурга, который могъ облегчить задачи устройствелей спектакля и помочь имъ своими совѣтами, а главное сочиненіемъ интермедіи.

Чуть не съ первыхъ же словъ я такъ близко сошелся съ Николаемъ Ивановичемъ, что вскорѣ мы сдѣлались большими друзьями. Правда, для Самойловскаго чествованія онъ ничего не устроилъ, но это не помѣшало намъ продолжать знакомство, кончившееся только съ его смертью, послѣдовавшею три года тому назадъ.

Куликовъ хоть кого могъ очаровать своимъ умомъ, неподражаемымъ сарказмомъ, блестящимъ остроуміемъ, а главное—заразительною веселостью, которая не покидала его никогда. Ни почтенный возрастъ, ни мучившія его постоянно болѣзни не удерживали Николая Ивановича отъ юмора, которымъ онъ щеголялъ всю жизнь.

Въ бытность свою режиссеромъ, каковымъ его я, конечно, уже не засталъ, онъ пользовался огромнымъ значеніемъ и вліяніемъ не только за кулисами, но даже и въ дирекціи. Его злаго языка всѣ боялись болѣе всякихъ выговоровъ и распеканій, которыя въ то время были въ большемъ ходу у начальствующихъ лицъ. Насмѣшка же и сарказмъ Куликова дѣйствовали сильнѣе взысканій, благодаря чему онъ нажилъ себѣ массу враговъ и недоброжелателей, которые и способствовали его преждевременному уходу со сцены.

Куликовъ былъ строгимъ режиссеромъ и администраторомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его собственный рассказъ о томъ, какъ онъ разобралъ однажды жалобу своей жены Варвары Александровны ¹⁾ на одного изъ закулисныхъ сторожей.

Дѣло происходило въ Александринскомъ театрѣ. Былъ отданъ Куликовымъ приказъ, чтобы во время спектакля никто не смѣлъ стоять въ кулисахъ, въ особенности первыхъ. Варвара Александровна, забывшая это запрещеніе, явилась на какое-то выдающееся представленіе, когда театръ былъ переполненъ публикой, и заняла мѣсто близъ портала. Какъ нарочно, дежурилъ новый сторожъ, совершенно не знавшій Куликовой. Онъ подошелъ къ ней и попросилъ ее уйти. Та смѣрила его строгимъ взглядомъ и спокойно осталась на занятомъ ею мѣстѣ. Сторожъ настоятельнѣе сталъ требовать удаленія и пригрозилъ жалобой.

¹⁾ Урожденной Сабуровой, дочери знаменитыхъ въ свое время артистовъ Сабуровыхъ.

— Отстань ты отъ меня!—крикнула, наконецъ, Варвара Александровна.—Я пожалуюсь на тебя...

— Жалуйтесь сколько вамъ угодно...

— Да развѣ ты, глупый человѣкъ, не знаешь меня?

— И знать не должно!.. Уйдите подобру-поздорову, безъ грѣха: вотъ вамъ и весь сказъ.

— Я жена главнаго режиссера, и до меня запрещенія не касаются.

— Не могу знать! Мнѣ все единственно... Мнѣ велѣно не допускать—ну, я и не допущаю... Пожалуйте вонъ!

Куликова вспылила и бросилась розыскивать мужа. Минуть черезъ пять она привела Николая Ивановича къ этому исправному сторожу и, жалуясь на него, сказала:

— Сдѣлай милость, объясни этому олоху, кто я... и внуши ему, какъ долженъ онъ обращаться со мной...

Куликовъ приблизился къ дежурному и спокойно, что называется, «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой», проговорилъ:

— Ты хорошенько замѣть эту барыню... Это, братецъ, моя жена... И если въ другой разъ она будетъ стоять за кулисами, то ты, пожалуйста, ничего не смѣй ей говорить... а просто возьми подъ ручку, да и выведи... Да не забудь прибавить, что торчать за кулисами запрещено всѣмъ безъ исключенія...

Куликовъ въ молодости отличался ловкостью, находчивостью и увертливостью. Однажды, во время его режиссерства, онъ въ чемъ-то проштрафился по службѣ, и директоръ А. М. Геденовъ, сильно разгнѣванный, приказалъ вычесть изъ его жалованья пятьдесятъ рублей, что собственноручно и написалъ на докладѣ, поданномъ изъ конторы. Для объясненія этой резолюціи Александръ Михайловичъ велѣлъ пригласить Куликова въ свою канцелярію, которая находилась рядомъ съ его кабинетомъ. Когда Николай Ивановичъ явился, Геденовъ вздумалъ поинтересоваться впечатлѣніемъ, какое произведетъ его резолюція, и съ этой цѣлью тихонько подошелъ къ двери и сталъ всматриваться въ фізіономію режиссера, который его, конечно, не замѣчалъ.

Куликову показали докладъ, на которомъ красовалась помѣтка Геденова: «удержать изъ жалованья 50 рублей». Онъ со вниманіемъ прочелъ это непріятное для него извѣстіе и съ горячностью сталъ говорить чиновнику:

— Помилуйте... что это за новости... Я ровно ничѣмъ не провинился... Это несправедливо... Невѣрно...

Александръ Михайловичъ, обладавшій вспыльчивостью, мгновенно выскочилъ изъ кабинета и закричалъ на Куликова, совершенно не ожидавшаго такого оборота дѣла:

— Что такое?.. Невѣрно?.. Какъ ты осмѣливаешься говорить это про свое начальство?... Что несправедливо? Что неvěрно? Говори...

Куликовъ, смиренно показывая на бумагу, замѣтилъ:

— Извините, ваше высокопревосходительство... не извольте гнѣваться... а я сказала правду...

— Какую? Въ чемъ твоя правда? Отвѣчай!

— Я только сказала, что вы изволили невѣрно написать слово «удержать»... Оно у васъ вышло черезъ ѣ, а на самомъ-то дѣлѣ это пишется черезъ ест (е)...

Николай Ивановичъ всегда былъ религіознымъ, вѣрующимъ человѣкомъ. Наканунѣ праздниковъ и въ самые праздники посѣщалъ церковныя службы и подолгу выстаивалъ въ храмахъ, не взирая на слабость ногъ. Однажды, это уже въ послѣдніе годы жизни, онъ слушалъ обѣдню въ домовой церкви. Неподалеку отъ него стояли два молодыхъ офицера, которые все время разговаривали и изрѣдка смѣялись. Такое непристойное ихъ поведеніе ужасно сердило Николая Ивановича, который всячески выражалъ на это неудовольствіе, но тѣ не обращали на него вниманія и продолжали свою веселую бесѣду. Наконецъ, Куликовъ не выдержалъ и, приблизившись къ разговаривавшимъ, тихо замѣтилъ имъ:

— Какіе вы храбрые!

— Что такое?—не безъ строгости переспросилъ одинъ изъ нихъ, уничтожающе осматривъ старика съ головы до ногъ...

— Я говорю... какой вы храбрый!—повторилъ Куликовъ, глубоко вздохнувъ.

— Какъ вы смѣете,—прошепталъ обидѣвшійся офицеръ.—Что вы хотите этимъ сказать?

— Ничего особеннаго... Дивлюсь только вашей храбрости... Вотъ вы даже Бога не боитесь: все время разговариваете...

Офицеры, конечно, замолчали.

Куликовъ былъ плодовитѣйшимъ водевиллистомъ, и всѣ его какъ оригинальныя пьесы, такъ равно и переводныя пользовались всегда хорошимъ успѣхомъ и до сихъ поръ не сходятъ съ репертуара. Особенно же популярны его: «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ», «Весною», «Средство выгнать волокитъ», «Цыганскія пѣсни въ лицахъ» и др. Послѣднія создали славу извѣстныхъ опереточныхъ артистовъ В. В. Зориной и А. Д. Давыдова, которые были и остались единственными, неподражаемыми исполнителями Стеши и Антипа. Помимо своей драматургической дѣятельности, Николай Ивановичъ былъ также и превосходнымъ либреттистомъ. Онъ не только переводилъ или сочинялъ, но даже самъ подтекстовывалъ. Либретто оперъ «Марта» и «Жидовка» принадлежатъ ему. Онъ же, по заказу знаменитаго композитора Антона Григорьевича Рубинштейна, написалъ слова для его оперы «Купецъ Калашниковъ». Во время этой работы Рубинштейнъ часто посѣщалъ старика, такъ какъ послѣдній по болѣзни не могъ ѣздить къ композитору. Въ одинъ изъ такихъ дѣловыхъ визитовъ познакомился и я съ Антономъ Григорьевичемъ,

который послѣ провѣрки словъ по музыкѣ всегда оставался у Николая Ивановича пить чай и «побесѣдовать».

Я познакомился съ Куликовымъ во время его полнѣйшаго бездѣйствія. Претендуя за что-то на театральнй мѣръ, онъ далъ себѣ зарокъ отстать совершенно отъ сцены даже сочиненіемъ пьесъ, которыя, однако, давали ему изрядный доходъ. И дѣйствительно Николай Ивановичъ долгое время не работалъ для театра, но, сойдясь со мной, перемѣнилъ гнѣвъ на милость и вновь занялся сочинительствомъ комедій, оперетокъ и водевилей. Во время своихъ частыхъ свиданій съ нимъ, мнѣ удалось примирить старика съ любимой имъ сценой...

Въ молодости Куликовъ служилъ актеромъ въ Московскомъ театрѣ, но былъ далеко не выдающимся, хотя въ роли Хлестакова, какъ говорили, былъ весьма не дурень. Сестры же его, Прасковья Ивановна Орлова и Александра Ивановна Шубертъ ¹⁾, въ свое время были извѣстными актрисами, пользовавшимися громаднымъ успѣхомъ. Чувствуя ограниченность своихъ актерскихъ способностей, Николай Ивановичъ впослѣдствіи перешелъ на Петербургскую сцену, гдѣ и занималъ долгое время мѣсто главнаго режиссера.

Кстати слѣдуетъ замѣтить, что до сороковыхъ годовъ не существовало въ Петербургѣ главнаго режиссера, а былъ просто режиссеръ. Это же новое званіе ввелъ въ употребленіе режиссеръ московскаго театра Беккеръ, который, отсылая въ Петербургъ экземпляры новыхъ пьесъ, одобренныхъ къ представленію, удостовѣрялъ, ихъ подлинность, что непременно требовалось отъ режиссера, такую подписью:

«Главный режиссеръ Беккеръ».

А когда то же самое требовалось отъ петербургскаго режиссера для Москвы, то Николай Ивановичъ въ насмѣшку всегда росписывался на отправляемой пьесѣ:

«Самый главный режиссеръ Н. Куликовъ».

Изъ сослуживцевъ своихъ, Николай Ивановичъ былъ болѣе всѣхъ друженъ съ Алексѣемъ Михайловичемъ Максимовымъ, И. И. Сошницкимъ и А. Е. Мартыновымъ. Съ В. В. Самойловымъ же онъ постоянно пребывалъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Они ненавидѣли другъ друга и, при случайныхъ встрѣчахъ, всегда чувствительно пикировались...

Вспоминая своего друга Максимова, Куликовъ однажды рассказывалъ мнѣ забавный случай изъ жизни этого извѣстнаго актера и баловня публики.

¹⁾ Обѣ здравствующія. Первая проживаетъ въ Тверской губ., въ гор. Осташковѣ, гдѣ супругъ ея занимаетъ мѣсто городского головы, а вторая, весною 1893 г. справлявшая пятидесятилѣтній юбилей своей артистической дѣятельности, находится въ Петербургѣ.

Какъ-то разъ я и Максимовъ были приглашены въ гости,— повѣствовалъ Николай Ивановичъ.—Званный вечеръ обѣщаль быть многолюднымъ и торжественнымъ. Съ Алексѣемъ Михайловичемъ я сговорился отправиться туда вмѣстѣ. Наши средства въ то время были скудны вообще, въ тотъ же день въ особенности. Я положился на него, онъ на меня, но когда Максимовъ зашелъ ко мнѣ, чтобы отъ меня отправиться вмѣстѣ на вечеръ, обнаружился нашъ матеріальный кризисъ во всемъ своемъ ужасѣ. Впрочемъ, мы не принадлежали къ числу унывающихъ и отправились въ гости пѣшкомъ, хотя дорога намъ предстояла достаточно далекая... Въ числѣ множества приглашенныхъ была наша сослуживица актриса Дюръ, считавшаяся очень красивою, привлекательною женщиною. Максимовъ все время съ ней балагурилъ и дурачился: признавался въ любви, притворялся разочарованнымъ и угрожалъ покончить жизнь самоубійствомъ, если она не обратитъ на него своего благосклоннаго вниманія. Она много смѣялась и свое равнодушіе къ нему мотивировала его преступною вѣтренностью, съ чѣмъ соглашались многіе, бывшіе въ нашей группѣ. Въ концѣ концовъ Максимовъ шутя отнял у нея носовой платокъ и, цѣлуя его, спряталъ въ свой карманъ.

— Отдайте...—возвратите, запротестовала было Дюръ.

— Ни за что на свѣтѣ!—патетически воскликнулъ Алексѣй Михайловичъ.—Я никогда съ нимъ не разстанусь, онъ пойдетъ со мною въ гробъ и будетъ безмолвнымъ свидѣтелемъ вашего жестокосердія.

Долго она къ нему приставала, но онъ продолжалъ отговариваться шутками и только послѣ ужина Максимовъ возвратилъ ей ея собственность. Передъ самымъ уходомъ, она вдругъ вспомнила, что въ кончикѣ платка была завязана пятирублевая бумажка и начала ее всюду искать, такъ какъ въ платкѣ ея не оказалось. Максимовъ утверждалъ, что никакого узла не видалъ и никакъ не могъ потерять ея деньги. Онъ ловко обратилъ это въ мистификацію съ ея стороны и первый разразился смѣхомъ, говоря:

— Меня не проведешь!... Знаю я эту пятирублевку и удивляюсь, почему вы не обнаружили пропажу въ пять тысячъ рублей... Это было бы ужаснѣе!..

Когда этотъ инцидентъ утихъ, гости стали разъѣзжаться. Я вышелъ съ Максимовымъ на улицу и приготовился маршировать обратно домой, но вдругъ мой попутчикъ начинаетъ громкимъ голосомъ звать извозчика...

Я думалъ, что онъ это дѣлаетъ для важности, чтобы не проиграть въ глазахъ вмѣстѣ съ нами вышедшихъ гостей, и на этомъ основаніи сталъ поддерживать продѣлку товарища. Я громко закричалъ ему:

— Не нужно... хоть немного пройдемся пѣшкомъ... освѣжимся... Тамъ дальше найдемъ возницу...

— О, нѣтъ!—воскликнулъ Максимовъ.—Я не могу идти пѣшкомъ... я никогда въ жизни не хожу пѣшкомъ... Садимся и ѣдемъ!

— Пожалуйста пройдемся... это такъ пріятно...

— Безъ разговоровъ! Завтра рано вставать и потому время терять нельзя.

Я повиновался. Мы сѣли въ пролетку и поѣхали. Завернувъ за уголь другой улицы, я началъ его уговаривать слѣзть съ извозчика, во избѣжаніе скандала, но онъ и слушать меня не захотѣлъ...

Наконецъ, подѣзжая къ дому, я вдругъ вспомнилъ о затерянной пятирублевкѣ Дюръ и испуганно его спрашиваю:

— Неужели... эти пять рублей... изъ платка?..

— Что-о?—грозно переспросилъ Максимовъ.

— Неужели это ты?..

Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ свирѣпую гримасу и, подражая В. А. Каратыгину, произнесъ трагическимъ голосомъ извѣстную фразу Жоржа изъ «Жизни игрока»:

— Не я... не я... а бѣдность и отчаяніе!..

Я не удержался отъ хохота, онъ послѣдовалъ моему примѣру и подробно разсказалъ, какъ ловко удалось ему утаить эту пятирублевку. При полученіи же жалованья Максимовъ, конечно, возвратилъ Дюръ деньги и чистосердечно признался въ своемъ похищеніи, которое было вызвано нашимъ матеріальнымъ недостаткомъ. Она также много смѣялась и ничуть не претендовала на этого не-удержимаго шалуна.

А. Нильскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

